

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ И КИТАЕ

К.А. Айнутдинова, к.ю.н., доцент
УВО «Университет управления «ТИСБИ»

И.Н. Айнутдинова, д.п.н., профессор
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Аннотация: Цель исследования проанализировать явления «экстремизм» и «терроризм» с позиции их общественной и цивилизационной опасности для человека. Были проанализированы геополитические проблемы, конфликты и противоречия и их негативное влияние на ситуацию в мире. Изучение данных «Глобального индекса терроризма 2023» показало нулевую террористическую угрозу в КНР. Были изучены особенности сотрудничества и взаимодействия России и КНР в партнерских и недружественных сообществах, а также характеристики стратегий и методов противодействия экстремизма и терроризма, применяемых в России и Китае. Сделан вывод об особом, даже репрессивном подходе КНР к вопросам противодействия и профилактики экстремизма и терроризма, отвечающим тем ни менее букве закона.

Abstract: The purpose of the study is to analyze the phenomena of "extremism" and "terrorism" from the position of their social and civilizational danger to people. Geopolitical problems, conflicts and contradictions and their negative impact on the situation in the world were analyzed. The study of the "Global Terrorism Index 2023" data showed zero terrorist threat in China. The peculiarities of cooperation and interaction between Russia and China in partner and unfriendly communities, as well as the characteristics of strategies and methods of countering extremism and terrorism applied in Russia and China were studied. It was concluded that China has a special, even repressive, approach to countering and preventing extremism and terrorism that nevertheless meets the letter of the law.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, идеология, противодействие, профилактика.

Keywords: extremism, terrorism, ideology, counteraction, prevention.

Выбор темы исследования обусловлен спецификой и сложностью развития современной цивилизации, характеризующейся нарастанием острых глобальных проблем, конфликтов и противоречий, которые несут реальную угрозу человечеству и затрагивают судьбы как отдельных людей, социальных групп, наций и религий, так и целых стран, регионов и континентов [1]. В целях сохранения мира и стабильности на земле важнейшие вопросы геополитического противостояния требуют немедленного разрешения, так как они порождают социальные и экономические кризисы, разжигают региональные и локальные

военные конфликты, провоцируют рост преступности и насилия и закономерно создают преграды для решения большинства социальных, экономических, межнациональных, религиозных, международных и иных проблем [1].

В нынешних условиях глобальной и политической турбулентности особое значение приобретает проблематика противодействия и профилактики таких общественно-опасных явлений, как экстремизм и терроризм. Во всем мире отмечается рост числа экстремистских и террористических актов, совершаемых с особой циничностью и жестокостью, при этом опасность и масштабность их последствий сеют страх, панику и неопределенность в обществе; ломают судьбы отдельных людей и целых поколений; нивелируют нормы морали и права; парализуют политические гарантии и дипломатические усилия; разрушают отношения между государствами, народами, конфессиями, социальными группами, политическими партиями и общественными организациями [1].

Для успешного противостояния этим негативным явлениям, их профилактике, минимизации и/или ликвидации последствий их проявлений необходимо, в первую очередь, знать и понимать преступную сущность экстремизма и терроризма. В Российской Федерации правовая основа борьбы с экстремизмом и терроризмом представлена рядом нормативно-правовых актов, в которых содержатся правовые определения и основы противодействия экстремизму и терроризму, это: Конституция РФ (ст. 13, ч. 2 ст. 29) [2]; Уголовный кодекс РФ (экстремизм: ст. 280, 282, 282.1, 282.2, 357; терроризм: ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 207, 208, 277, 360) [3]; Кодекс РФ об административных правонарушениях (ст. 5.26, 20.3, 20.29) [4]; Федеральные законы: ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ [5] и ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ [6] и другие.

Экстремизм – это побуждение к агрессии, насилию и розни, нарушению законности и морали, разрушению государственного строя и территориальной целостности посредством «крайних», запрещённых способов для достижения социально-политических, религиозных и национальных целей или идеологием [7]. Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решения органами государственной власти, органами

местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий [7]. Уголовное законодательство РФ рассматривает как самостоятельные эти две группы преступлений: экстремистского характера – относят к посягательствам на основы конституционного строя и безопасности государства, а террористического характера – относят к посягательствам на общественную безопасность, причем любые действия и преступления террористического характера регулируются исключительно УК РФ [7].

В последние годы в нашей стране принят ряд эффективных мер по противодействию экстремизму и терроризму на всех его этапах и направлениях (профилактика; борьба (выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование); минимизация и/или ликвидация последствий) и по созданию эффективной общегосударственной системы с четкой вертикалью власти. Однако, по мнению аналитиков [7], результативность борьбы с экстремизмом и терроризмом может значительно возрасти при сотрудничестве и партнерском взаимодействии России с дружественными государствами в рамках различных региональных и кроссрегиональных объединений таких, как СНГ (Содружество независимых государств), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), ОДКБ (Организация договора о коллективной безопасности), БРИКС, саммит Россия-Африка и др. [8]. Успех обусловлен схожестью позиций участников по многим вопросам, касающихся: 1) защиты суверенитета своих стран [7]; 2) прогностики, моделирования и анализа реальных мировых угроз [8]; 3) общей адаптивной стратегии планирования и реализации мер по профилактике, борьбе и минимизации последствий экстремизма и терроризма; 4) систематического обмена опытом в сфере законотворческой и правоприменительной деятельности.

Интересен в данной связи опыт Китайской Народной Республики (КНР), который за достаточно короткий период с 2015 г. не только надежно обеспечил свою национальную и общественную безопасность, но и внес значительный вклад в защиту стабильности и безопасности в восточноазиатском регионе. Данные доклада «Глобальный индекс терроризма 2023» (Global Terrorism Index

2023), опубликованного Институтом экономики и мира (Institute for Economics and Peace, IEP) Сиднейского университета (Австралия), указывают, что по всем четырём основным показателям (количество террористических инцидентов; количество погибших; количество пострадавших; уровень материального ущерба), по которым измеряется уровень террористической активности в той или иной стране, индекс терроризма в Китае в 2022 году снизился до рекордного минимума в 0,00 пунктов [9]. При этом с 2002 по 2022 год индекс терроризма в Китае составлял, в среднем, 3,98 пунктов, в 2015 достигал своего рекордного максимума в 6,68 пунктов, а в 2021 году составлял 1,86 пунктов [9].

«Глобальный индекс терроризма 2023» дает информацию о снижении индекса терроризма в России до 3,80 по сравнению с 4,22 пунктами в 2021 году. Точность приведенных данных вызывает некоторые сомнения на фоне того, что мы воочию наблюдаем рост числа экстремистских и террористических деяний, циничность и жестокость исполнения которых поражает и возмущает. Уже не секрет, что «коллективный Запад» открыто ведет в отношении России гибридную войну, вовлекает в качестве геополитических таранов преступные режимы, спонсирует, вооружает их и закрывает глаза на участвовавшие случаи террористических актов с возросшим числом жертв и пострадавших мирных граждан. В докладе также отмечается, что в период с 2002 по 2022 год индекс терроризма в России составлял, в среднем, 6,24 пунктов, достигнув рекордного максимума в 2011 году (7,55 пунктов) и рекордного минимума в 2022 году (3,80 пунктов) [9]. Однако, цифры, которые отражены в статистике МВД РФ по итогам 2022 года [10], говорят об обратном – по сравнению с 2021 годом число зарегистрированных в РФ преступлений террористического характера возросло на 4,5% (2233 преступления), а экстремистской направленности на 48,2% (1566 преступления). Также, в 2022 году в РФ возросло число лиц, осужденных за преступления террористической направленности до 875 (в 2021г. 682 человек) и экстремистской направленности до 693 (в 2021г. 606 человек) [10].

Несмотря на значительные успехи, руководство КНР не забывает о своем печальном историческом опыте, когда в период с 1990 по 2016 год несколько

тысяч жестоких терактов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе унесли жизни многих ни в чем не повинных людей и сотен полицейских, и не умаляет степень рисков для своей безопасности от дремлющих внешних и внутренних угроз, к числу которых по-прежнему относятся идеологически неразделимые «три силы зла» – терроризм, сепаратизм и экстремизм [8]. К основным угрозам в данном контексте китайские власти относят враждебную политику США и их поддержку определенных кругов Тайваня, Тибета и Восточного Туркестана в их попытках отделиться от «единого Китая» и заполучить международное признание [11]. Особая опасность исходит от «Исламского движения Восточного Туркестана» (ИДВТ), известного своими связями с «Талибаном», «ИГИЛ», «Аль-Каидой» и др., а также насилием и зверствами для достижения целей.

ИДВТ представляет прямую угрозу Китаю, но в силу его признания еще в 2002 г. СБ ООН международной террористической организацией, борьба с ним является также и международным обязательством. Поэтому сегодня Китай, хоть и осуждает страны Запада за их излишний либерализм, сомнительные двойные стандарты и вмешательство во внутренние дела других стран, все же выступает за тесное международное сотрудничество с ними [7; 8]. Несмотря на уверенность в своих собственных силах, КНР ищет баланс между свободой и безопасностью, а также между традиционными и инновационными методами и технологиями в борьбе с «тремя силами зла» (терроризм, сепаратизм и экстремизм). Признавая влияние глобализации и цифровизации на современное общество, и, учитывая удачный опыт западных стран по ведению информационных сетевых войн и психологических операций [12], Китай умело перенимает у партнеров их лучшие коммуникативные и психологические практики, а далее инкорпорирует сетевые методы в информационно-коммуникационное пространство Китая для проведения индивидуальной профилактики и дерадикализации потенциальных экстремистов и сепаратистов из Синьцзян-Уйгурского автономного района. Если в недалеком прошлом их просто истребляли, то теперь перевоспитывают и дерадикализируют.

Китай также проявляет волю и настойчивость в своих призывах строить взаимодействие в борьбе с экстремизмом и терроризмом на равнопартнерских

условиях; он пока сдержанно просит Запад не навязывать свои стандарты и призывает согласовывать их со всеми членами международного сообщества, с учетом существующего многообразия методов противодействия мировым угрозам и, принимая во внимание, различия в политическом устройстве, культуре, общественных устоях различных стран и народов [7; 8]. Для эффективного сотрудничества Китай, в частности, предлагает меры по: расширению сбора и обмена информацией; ужесточению контроля за финансовыми потоками и транзакциями в сети Интернет; усилению борьбы с кибертерроризмом и др. [7].

Начиная с 2015 года, антитеррористическая стратегия Китая развивалась и дополнялась новыми законами и правовыми доктринами о законодательстве, правоприменении и практике по борьбе с терроризмом, публикуемыми далее в виде Белых книг, последняя из которых была обнародована Госсоветом КНР и озвучена в конце января 2024 года глобальной телевизионной сетью Китая CGTN. В целом, антитеррористические подходы и инициативы Китая и других стран схожи, однако, общая концепция китайской модели противодействия терроризму является уникальной и может быть определена, как «верховенство закона с китайской спецификой» [7]. Изучение тематической литературы позволяет нам сделать вывод о достаточно авторитарном и репрессивном подходе Китая к этой борьбе, при этом главными неизменно остаются гуманные цели о национальном единстве, государственном суверенитете и территориальной целостности [7; 8].

Нами было также установлено, что большинство мероприятий в области противодействия терроризму в КНР планируются и осуществляются в виде шести горизонтальных контрмер с учетом анализа шести конкретных направлений деятельности террористических организаций. Например, попытки террористов получить доступ к технологиям создания оружия или торгового секрета пресекаются бойцами спецподразделений, следящих за сайтами с секретной информацией, еще на начальном этапе взлома через отказ в сетевом доступе или полную блокировку информации ограниченного доступа [7; 11].

Действенной мерой в случае прогнозируемой вербовки новых молодых членов в экстремистские и террористические организации будет опережающая

публикация на том же ресурсе материалов патриотического характера или демонстрация реалистичных роликов, содержащих сцены бесчеловечности и жестокости, способных пробудить ужас, сочувствие, понимание или поддержку.

Финансирование деятельности преступных организаций под видом благотворительности, пожертвований или выигрышей в сетевых казино пресекается опять же еще на этапе приготовления к преступлению в процессе пристального наблюдения сетевых бойцов за транзакциями в китайских социальных сетях (напр., Weibo, WeChat), где есть привязанные электронные кошельки. По тому же сценарию иногда происходит вскрытие и рассекречивание источников тайной связи, но это возможно лишь в континентальном Китае, где пользователи строго ограничены общением в национальных соцсетях, при этом специалисты Министерства государственной безопасности КНР имеют доступ к аккаунтам пользователей и могут вести контроль за их перепиской и общением. Использование Интернета для пропагандистских мероприятий и организации психологической войны также пресекаются контрмерами со стороны специально обученных сетевых бойцов, которые способны грамотно вести контрпропаганду. Ну, и самая репрессивная контрмера, но, по мнению китайского правительства, вынужденная, это тотальный контроль за распространением информации не только в сети, но и в традиционных СМИ в ответ на общественные выступления.

Как мы видим, описанные контрмеры достаточно жесткие, но власти КНР уверены, что они действуют на благо своих граждан и в соответствии с буквой закона. Согласно Закону КНР «О борьбе с терроризмом» от 27 декабря 2015 года, термин «терроризм» определяется как «действия против жизни и здоровья гражданских лиц, совершенные с целью дестабилизации внутренней ситуации в стране и оказания давления на ее руководство» [8], поэтому любые посягательства на провозглашенные традиционные ценности и гуманные цели «о национальном единстве, государственном суверенитете и территориальной целостности» должны быть неприкосновенны. Может, именно поэтому в «Глобальном индексе терроризма 2023» рядом с Китаем стоит странная цифра – 0,00, демонстрирующая, что с экстремизмом и терроризмом там покончено?

Список источников:

1. Goes, C., & Bekkers, E. (2022). The Impact of Geopolitical Conflicts on Trade, Growth, and Innovation / Carlos Goes; Eddy Bekkers. UC San Diego, World Trade Organization, pp. 1–59.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (доступ 15.01.2024)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (доступ 16.01.2024).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (доступ 17.01.2024).
5. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 15.07.2023) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (доступ 17.01.2024).
6. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (доступ 10.01.2024).
7. Чанхай Л., Коротких Н.Н. Исследование вопросов, касающихся контроля над террористической и экстремистской преступностью в России и Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – Т.19. – № 4. – С. 92–106.
8. Галицкая Н. В. Правовые аспекты антитеррористической безопасности: опыт современного Китая // Административное и муниципальное право. – 2022. – № 3. – С. 34–46.
9. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2023: Measuring the Impact of Terrorism, IEP, Sydney, 2023. – 95 p. [Electronic resource] Available from: <http://visionofhumanity.org/resources> (accessed on 10.01.2024)
10. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2022 г. / Отчет Генпрокуратуры РФ. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (доступ 12.01.2024).
11. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 4. – С. 169–174.
12. Хромов В.Д. Психологические аспекты противодействия экстремизму и терроризму // Обзор. НЦПТИ. – 2018. – № 4 (15). – С. 65–77.